

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

КОГДА-ТО

Николай Гарин-Михайловский
Когда-то

«Public Domain»

1908

Гарин-Михайловский Н. Г.

Когда-то / Н. Г. Гарин-Михайловский — «Public Domain», 1908

«...Когда отворилась дверь и я вошел в столовую, Наталья Александровна вскрикнула и уставилась в меня своими большими черными глазами:— Я вас не узнала... Отчего я так испугалась?— Вы испугались меня?..»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Николай Гарин-Михайловский

Когда-то

I

...Когда отворилась дверь и я вошел в столовую, Наталья Александровна вскрикнула и уставилась в меня своими большими черными глазами:

– Я вас не узнала... Отчего я так испугалась?

– Вы испугались меня?..

Она подумала и сказала:

– Вы мне показались черным...

– Черным?..

Я думал об этой встрече и, быть может, хотел показаться ей совсем другим...

– Вам налить чаю? Крепкий? Сколько кусков сахара?..

Рассеянный, безучастный взгляд, голос...

– Я сейчас в театр иду... Ваша комната готова... Если хотите, я позову к вам мужа...

– Ему лучше?

– Все так же... Я сейчас... пойду, посмотрю...

Она встала, захватила с собой мешочек с биноклем и ушла. Среднего роста, худенькая, стройная, в черном, с кружевами, платье... Эти кружева как будто говорят о желании нравиться, о чем-то более легком, чем равнодушный тон и серьезное без игры лицо...

А может быть, это лицо было бы совсем другим, если бы я показался ей другим?..

А что такое «я»? И почему непременно – я? Почему ей ждать меня, когда и муж есть, и всех других к ее услугам столько же, сколько... сколько красивых и молодых людей будет, например, в театре, куда она идет?..

Она вошла и сказала, что муж спит...

– Пойдемте, я покажу вам комнату... приготовленную для вас.

Комната большая, прямо из передней, а по ту сторону передней – их домашние комнаты; рядом с моей – гостиная, из гостиной – ход в столовую...

– Эту дверь, в гостиную, вы можете запереть... Впрочем, у нас никого почти не бывает, – вам будет спокойно... Это – комод, шкаф... ящики в столе запираются...

Она говорила рассеянно, очевидно не думая о том, что говорила...

– Отчего вы мне показались черным?

Что-то лукавое – в ее лице... Она уже готова улыбнуться... Но все-таки не улыбается...

Она говорит с раздражением:

– Ах, как я испугалась... Заприте за мной дверь!..

Я вышел за дверь. Она была уже на площадке лестницы. Обернувшись, она посмотрела мне в глаза, покачала головой и бросила:

– Мне так не хочется идти в театр...

– Так не ходите!

Она помолчала, серьезно по-товарищески сказала «надо» и пошла. Я стоял на площадке и смотрел, как спускалась она по лестнице. Дом был новый, лестница широкая, светлая, было тепло... Ее стройная фигура опускалась по ступенькам, и я видел ее маленькую, с высоким подъемом ножку. Она чувствовала, что я смотрю, люблюсь ею, она знала это и не хотела поднимать головы. Только при последнем повороте, как будто против воли, подняла она голову и так холодно посмотрела, что я, назвав себя мысленно дураком, ушел в квартиру и запер дверь.

И только что запер, – опять звонок:

– Скажите девушке, чтобы приготовила самовар к двенадцати... Пусть купит что-нибудь к чаю...

И опять внимательный и в то же время недоумевающий взгляд. Я намеревался сейчас же приняться за чемоданы и навести кое-какой порядок в своем маленьком хозяйстве, но что-то меня удерживало: я думал о театре, и меня тянуло туда, в залитый огнями зал, где много народа, шумно, где – она... Кто она?.. Неуловимый, едва обрисовавшийся, едва коснувшийся меня призрак... И даже не коснувшийся: недоумевающий, неудовлетворенный...

Тихо... Тикают в столовой часы и сильнее подчеркивают тишину квартиры... Шаги человека в туфлях: муж!.. Дверь отворяется: высокий, сгорбленный, худой, в халате... Лицо длинное, острое, острый нос, редкая клином борода. Молодой.

Глухой голос, руки большие, костлявые, с крючкообразными загнутыми ногтями...

Я смотрю на эти ногти и вижу, как будет он лежать в гробу, и высоко на груди у него будут сложены эти руки с бледно-мертвыми, большими, загнутыми книзу ногтями...

Чувствовалось что-то болевое, обиженное до смерти...

Я посмотрел на часы и сказал:

– Уже одиннадцать... Наталья Александровна просила к двенадцати самовар и что-нибудь к чаю...

– Теперь поздно: наша лавка заперта уже.

– А что купить? Я пойду в большие магазины...

Он пожевал и не спеша ответил:

– Она любит рябчики холодные, икру...

Она любит... Непременно надо рябчиков и икры! Он запирает за мной дверь, я заботливо напоминаю ему о самоваре и через две ступеньки лечу по лестнице... Неожиданно вздрагиваю: передо мной – Наталья Александровна.

– Куда вы?

Я обрадованно сообщаю о рябчиках и икре. Она устало отвечает:

– А я не досидела... Скучно...

Мы стоим друг против друга.

– Как хорошо на воздухе! – задумчиво говорит она.

Я хочу предложить ей поехать вместе за рябчиками, но не решаюсь и смотрю ей в глаза, странные, недоумевающие.

– Что вы так смотрите?

Я опускаю глаза.

– Я вас не стесню, если поеду с вами?

– Вы?.. Меня?!

В моем лице, в моем голосе столько радости, что и она оживляется...

Мы едем. Плохой извозчик... Переменили на хорошего... Летим... Мы в магазине, в булочной. Она удерживает меня от мотовства, мы весело смеемся и смотрим друг другу в глаза... Это лицо, глаза совсем не те, которые смотрели на меня, когда я впервые вошел в столовую.

Мягкая зима, нежный ветер, и пушинки снега падают на руки, лицо и ресницы. И тогда свет электрических фонарей горит, как в призме, и так ярко, рядами вырастают громадные освещенные дома набережной. Я слегка обхватил ее тонкую талию и боюсь прикоснуться сильнее. Ощущений самых тонких, самых неуловимых – миллион, но слов нет, и говорить не о чем... О чем думает эта головка, прячущая лицо за муфтой, и какое лицо за этой муфтой?.. Я стараюсь вспомнить это лицо: я совершенно забыл его, не помню; около меня какой-то чужой человек, которого я не знаю, который меня не знает, но которого почему-то я хочу, заставляю себя знать. Зачем?.. Для того, чтобы вышла из всего этого какая-нибудь пошлость. Сохрани боже...

– Едем домой.

Едем, моя дорогая, и я убью самого себя, если когда-нибудь дурное придет мне в голову. И теперь мне ясно, кто она: страдающая, с разбитой уже жизнью, когда и жить, собственно, не начинала.

А там тот, умирающий, с своим раком или чем-то в этом роде в желудке.

Тяжелая драма, и кто знает, кому из них тяжелее?

И, как будто слушая мои мысли, она вздохнула и на мгновение прижалась ко мне. И от этого движения сердце сразу остановилось и дрожь пробежала по всему телу. Ах, как хотелось знать, что чувствует она в это мгновение, понимает ли, или, вернее, действительно воспринимает ли мои мысли, чувства, говорит ли со мной, пока мы так едем, молчаливые и напряженные? А если бы вместо пустых слов сказать вдруг, что думаешь? И если бы вдруг все люди заговорили и языком, и глазами, и всем существом своим заговорили бы одно, только правду: что случилось бы с ними, с миром, со всей нашей жизнью? Что-то другое, совсем другое... Лучшее или худшее? Лучшее уже потому, что оно неведомое, новое, от которого захватывает дыхание и кажется, что растут крылья.

Стой!

Мы приехали.

Знакомая уже лестница, тепло, свет, запах новой стройки.

Ее маленькое ухо, то, которое с моей стороны, в огне и кажется прозрачным. Снежинки тают на волосах и горят, как бриллианты. Она иногда поворачивается и смотрит на меня, и свежий румянец оттеняет ярче и белизну лица и блеск черных больших глаз.

– Порядочно натратили? – спрашивает она, нажимая звонок.

– О, это из тех денег, которые для этого и предназначены.

– И много предназначено?

– Дядя подарил мне билет в тысячу рублей, и он весь будет так истратен.

– Ведь вы сразу всё истратите. Лучше отдайте мне и я буду давать вам по частям.

– С наслаждением.

И я, опустив пакеты, хотел достать билет.

Она остановила меня и сказала:

– Потом.

Она рассмеялась, и я рассмеялся.

Дверь otvorил сам муж и стоял в халате, согнувшийся, с открытым ртом. В зеркале напротив отражались мы все: он, она и я.

Контраст большой: там смерть, здесь жизнь.

– Если бы я его не удержала, он купил бы весь магазин... Ему дядя подарил тысячу рублей, и я их беру у него под свою опеку.

– Так, так, – не то улыбаясь, не то показывая зубы говорил муж, пятясь и кутаясь в свой халат.

В столовой на чистой скатерти уютно шумел горячий самовар, стоял чистый чайный прибор и Наталья Александровна, заваривая чай, говорила, что с удовольствием напьется чаю.

Я развязывал пакеты, а муж сидел, стучал ногтями о стол и с полуоткрытым ртом, с любопытством следил за содержимым в пакетах.

Потом стали пить чай и есть.

Наталья Александровна опять ушла в свой мир, рассеянно прихлебывала из чашки и почти ничего не ела.

Муж ел много, с аппетитом, и икру, и рябчики, и сыр, и фрукты, и пирожные. Ел руками и на замечание жены, что ему вредно, отвечал рассеянно:

– Ничего, матушка.

II

Дни пошли за днями. Я свой последний год ходил в университет, ездил с Натальей Александровной в театр, катался с ней по островам. Она до безумия любила быструю езду, любила острова.

– Боже мой, как прекрасны они весной, – говорила она, когда мчались мы с ней, и с обеих сторон, наклонившись под тяжестью снега, стояли высокие ели, а там, в просвете между ними, голубое небо сверкало, и мерзлый снег хрустел, и снежная пыль осыпала нас, – как чудны они весной, когда распускаются береза и душистый тополь.

В общем, впрочем, говорила она редко. Обыкновенно же, точно просыпаясь, бросала несколько слов и опять погружалась в свои мысли или чувства и ощущения.

Я был говорливее и уже успел рассказать про себя все, что знал.

Она молчала, слушала и думала.

Мы не стоваривались, но оба мужу не говорили ничего о наших поездках.

Она только как-то бросила мимоходом:

– Мы ничем не связаны друг с другом.

Я подумал бы что-нибудь, если бы это не было сказано таким равнодушным и безучастным тоном. Да и вообще я ни о чем не думал, кроме как о том, чтобы она не заподозрила во мне каких-нибудь грязных поползновений.

Даже надевая ей на ноги калоши – прежде я никогда не надевал никому, – я корчил такую свирепую физиономию, что она сказала однажды:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.